

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Никаких
следов

Марина С. Серова
Никаких следов
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166946*

*Никаких следов: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-27689-9*

Аннотация

В убийстве Нади не было явных мотивов, и частный детектив Татьяна Иванова отработывала разные версии. Ограбление, месть, зависть – все отпадало. Ясно только, что совершил преступление человек, которого девушка хорошо знала. Под это определение попадали и мать убитой, и жених, а также подруги и сокурсники. Дверь не взламывали, в квартире ничего не пропало, оружие убийства не сохранило следов нападавшего. Мистика! Но, даже вычислив преступника, Таня понимает, что изобличить убийцу невозможно...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Марина Серова

Никаких следов

Глава 1

Надя Кузнецова давно не ладила со своими близкими. Уже несколько лет в семье все было наперекосяк. Постоянные скандалы и ссоры не давали ей покоя, поэтому она старалась как можно реже бывать дома и даже подумывала уйти совсем, но деваться было некуда, и она продолжала жить в родительском доме, хотя мириться с таким положением дел ей было очень трудно.

Семья Кузнецовых была не хуже других, хотя и не слишком богатая. Мать, Ольга Петровна, была хорошим врачом и работала в областной больнице. Ее уважали, как хорошего специалиста, и на заработок она не жаловалась. Александр Иванович, отец Нади, был директором одного из крупнейших в стране оборонных НИИ и блестящим ученым. Список всех почетных должностей и ученых званий, которых он был удостоен, занял бы несколько страниц и сделал бы честь любому ученому с мировым именем.

Отец был человеком мягким, застенчивым и необычайно рассеянным, как все люди, полностью посвятившие себя любимому делу. Близкие удивлялись, как это он до сих пор

помнит дорогу домой, поскольку большую часть своей жизни Александр Иванович проводил на работе. Он был человеком настолько увлеченным, что преспокойно мог, задумавшись над чем-то, уйти из дома в домашних тапочках.

Однажды Надя, возвращаясь домой, встретила его у входной двери. Он стоял с совершенно рассеянным видом, отсутствующим взглядом уставившись в одну точку. В одной руке у него было пустое мусорное ведро, другая застыла в воздухе. Александр Иванович подошел к двери квартиры, поднял руку, чтобы позвонить, но, внезапно задумавшись над чем-то, так и остался стоять с поднятой рукой.

И так постоянно – то уйдет на работу с полным мусорным ведром, то потушит сигарету в чашке с чаем.

Но несмотря на все это, а, может быть, именно благодаря этому, он был единственным человеком в семье, с кем Надя не просто ладила, а жила душа в душу. Отца Надя очень любила, и он тоже души в дочери не чаял. Когда она была еще совсем маленькой, отец часто сажал ее к себе на колени и рассказывал длинные истории, которые просто завораживали Надю. Хотя она и не понимала почти ни слова, но всегда просила повторять один и тот же рассказ по нескольку раз. Эти совместные вечера так привязали их друг к другу, что, даже став взрослой двадцатилетней девушкой, Надя со всеми своими вопросами и бедами всегда бежала к отцу, даже после того, как выяснилось, что все свои волшебные истории отец черпал из учебника по квантовой механике.

Все началось после того, как Надя поступила в университет. Много новых дел, новых друзей. Ольга Петровна постоянно была недовольна то поздним возвращением Нади домой, то не вовремя сданным зачетом, то чем-то другим. Она всегда требовала, чтобы Александр Иванович поддерживал ее, но он только отшучивался и несмело улыбался Наде. Все спускалось на тормозах, и дальше недовольного ворчания и упреков матери дело не шло.

Но вот в больнице, в которой работала Ольга Петровна, сменилось руководство, и новое начальство устроило сокращение штатов. Ольгу Петровну, только что миновавшую пенсионный рубеж, с почестями отправили на заслуженный отдых. Ни к чему хорошему это не привело. Дело даже не в том, что в семье стало недоставать денег – зарплаты Александра Ивановича вполне хватало для того, чтобы вся семья могла существовать безбедно, просто Ольга Петровна не хотела мириться с непривычным для нее положением пенсионерки. Помаявшись месяц-другой дома, она принялась искать работу, но не нашла ничего подходящего.

Характер у нее потихоньку испортился, она стала совершенно невыносимой. Выговаривала дочери и мужу по любому пустяку, на дух не переносила никаких возражений, и небольшие размолвки, которые раньше заканчивались, не успев даже начаться, теперь все чаще перерастали в безобразные скандалы со слезами и криками. Безобидное ворчание из-за вечной рассеянности Александра Ивановича те-

перь заканчивалось бурными истериками.

Надя все чаще стала возвращаться домой затемно, чтобы поменьше общаться с матерью. Придя домой, она наскоро ужинала и убегала в свою комнату, к сильному раздражению Ольги Ивановны, говорящей, что ее родная дочь живет в доме как квартирантка, считаясь лишь со своими желаниями. В доме, когда-то веселом и мирном, становилось тихо и неудобно, только Ольга Петровна шумела на кухне посудой, да, дописывая очередную статью, постукивал клавишами компьютера отец.

Обстановку немного расшевелила смерть бабушки, девяностолетней старушки, матери Александра Ивановича. Совместные хлопоты по поводу похорон разрядили напряженность, но не вернули в семейные отношения Кузнецовых былой теплоты. Как только улеглась суэта, связанная с похоронами и поминками, все вернулось в старое русло. От бабушки осталась небольшая однокомнатная квартира в центре города. Так как других наследников, кроме Александра Ивановича, не было, то он тут же переоборудовал квартиру в свой рабочий кабинет и, по совету коллег, тут же переписал ее на Надю.

После того как переоборудование было закончено и Кузнецов-старший увешал стены бесчисленными патентами на свои изобретения, почетными грамотами и дипломами, он вообще почти перестал бывать дома и все вечера проводил на новой квартире. Надя часто оставалась ночевать у него,

забывая даже позвонить матери.

* * *

В этот солнечный майский день Надя сидела в квартире отца у окна. На улице под лучами солнца первая зелень блеснула чистым, нереально чистым изумрудным светом. Прохожие, чувствуя приближение лета, с радостью оставили дома свои плащи, теплые свитера и шляпы.

Надя смотрела в открытое окно, ветер трепал ее светлые волосы, а рядом с ней, поднимая ничуть не меньший ветер, чем врвался в окно, носился Александр Иванович. Он вот уже полчаса был в диком возбуждении.

– Еще чуть-чуть, Наденька!!! – Отец размахивал руками, осыпая Надю пеплом со своей сигареты.

– Что чуть-чуть, папа? – Она, несмотря на подробные объяснения отца, не понимала, в чем причина такого бурного восторга.

– Чуть-чуть подумать! Если я завершу эту работу, то стану величайшим инженером со времен Попова!

Он сделал еще один виток вокруг стола и уселся наконец на стул. Александр Иванович тихо вскрикнул – окурок, догорев до конца, обжег ему пальцы и упал на пол. Нимало не смутившись, Александр Иванович тут же выхватил следующую сигарету и закурил от большой подарочной настольной зажигалки. Он курил уже пятую или шестую сигарету под-

ряд. В комнате стоял такой дым, что Надя, несмотря на то что сидела у открытого окна, закашлялась.

– Папа, перестань курить. Здесь уже топор можно вешать.

Отец вскочил и замахал руками, как ветряная мельница. Клубы дыма закружились вокруг него, словно маленькие циклоны, похожие на те, что снимают из космоса. Надя закашлялась еще раз – отец был неисправим. Так было всегда, когда на его горизонте начинал маячить патент на очередное изобретение. Он становился невменяемым: не ел, не пил, почти не спал. Но сейчас все гораздо хуже. В Александра Ивановича словно бес вселился. Вот уже пятый день он сидел у себя в кабинете, зарывшись в чертежи и расчеты. Он то вдруг начинал писать что-то на листках бумаги, то внезапно останавливался и, разорвав их и кинув в мусорную корзину, принимался писать снова. Он метался по кабинету, курил, исписывал и рвал стопки бумаги, переворачивал горы книг или часами возился с какими-то железками, обложившись огромным количеством приборов, назначение которых оставалось для Нади полнейшей загадкой.

Надя слезла с подоконника и подошла к отцу, который, весь опутанный разноцветными проводами, возился над грудой каких-то железяк. Подойдя к столу, она чуть не упала, споткнувшись о стопку книг, стоявших прямо на полу.

– Господи, папа, я ведь только вчера убрала все по местам, а у тебя опять завал!

– Завал! – Александр Иванович даже не поднял глаз от

приборов. – Да я после тебя целых три часа ничего найти не мог.

– Все лежало на своих местах, – обиженно заявила Надя.

– На своих местах?! Справочник по электрохимии с утра найти не могу! – Щелкнула зажигалка, Александр Иванович закурил очередную сигарету. – Скажи, где он?

– На книжной полке смотреть не пробовал?

– А что ему делать на книжной полке? – Александр Иванович удивленно поднял глаза.

– Папа, книга должна стоять на книжной полке! – Надя достала справочник и положила отцу на стол.

– Слава тебе господи, нашелся! Надя, не прячь его больше, он мне сейчас очень нужен! – Справочник, пущенный умелой рукой, приземлился под столом, где, видимо, и было его обычное место.

Надя вздохнула и отправилась на кухню заваривать чай, а отец продолжил свою работу.

Вскоре Надя забыла об этом разговоре. Александр Иванович продолжал напряженно работать, однако через несколько недель, не выдержав такого небывалого напряжения, тяжело заболел. Он отказался лечь в больницу, и его просто перевезли домой с его новой рабочей квартиры. Ему было строго-настрого запрещено заниматься какой-либо работой, и это удручало его гораздо больше, чем сама болезнь. Он осунулся, похудел, почти перестал разговаривать.

Болезнь затянулась надолго, и о выздоровлении в ближай-

шее время и речи не шло.

Однажды, уже где-то в середине лета, Александр Иванович подозвал к себе дочь и, когда она пришла, усадил ее рядом с собой на край кровати.

– Помнишь, Надя, у себя в кабинете я занимался очередным изобретением? – Голос его был слабый, почти старческий, хотя еще месяц назад это был мужчина, полный сил.

– Конечно, помню. Но к чему ты вспомнил об этом? – Надя была слегка удивлена. – Если это намек на то, чтобы продолжить работу, то даже и не мечтай.

– Нет, – устало махнул рукой Александр Иванович, – просто я должен тебе кое-что объяснить, потому как это очень важно. – И добавил после некоторой паузы: – Для меня очень важно.

– Что ты хочешь объяснить, папа? Я слушаю.

Александр Иванович закашлялся, и Надя поспешила принести ему лекарство и стакан воды. Приступ кашля немного утомил Кузнецова, но он продолжил:

– В моем кабинете в столе, в нижнем ящике, лежит то, над чем я работал все последнее время. Я успел закончить разработку, но изобретение осталось незапатентованным... – Он опять закашлялся, лицо его покраснело от натуги.

– Папа, успокойся. – Последнее время у отца было высокое давление, и Надя очень беспокоилась за него. – Тебе надо отдохнуть, а то ты никогда не поправишься. Не волнуйся так, пожалуйста. Я принесу тебе чаю.

Надя побежала на кухню, чтобы принести отцу горячего чая и позвать мать.

– Надя, подожди! Надя!.. – крикнул он ей вслед, но у него снова начался приступ кашля.

Договорить им не пришлось. Отца стало лихорадить, ему дали какие-то лекарства, и он впал в забытие. Температура поднялась до сорока градусов и держалась несколько дней.

Когда жар стал спадать, Александр Иванович перестал бредить и немного пришел в себя, Надя, как обычно, сидела у его постели. Болезненная бледность его лица сменилась легким румянцем. Отец сжал Надину руку, открыл глаза и, вздохнув, снова погрузился в беспокойный сон. Надя вздрогнула от неожиданности, когда на ее плечо легла тяжелая рука матери.

– Его надо везти в больницу, Надя. Мы и так уже слишком долго тянули.

Голос матери был непривычно тихим и каким-то странным, свистящим. За время болезни отца она сильно похудела и осунулась. Ссоры Нади с матерью прекратились. Ольга Петровна просто перестала разговаривать с дочерью.

Надя повернулась к матери и посмотрела ей в глаза.

– Ты думаешь, он совсем плох?

– Ему нужно в больницу. Если и осталась хоть какая-то надежда, то она в немедленной госпитализации.

– Как же мы его повезем, мама? – Надя выглядела сильно растерянной, то ли от слов матери, то ли оттого, что она во-

обще с ней заговорила.

– Я уже вызвала машину «Скорой помощи». Юрию Федоровичу позвоним, он его примет.

– Папа будет недоволен, что мы увезли его в больницу, он очень этого не хотел.

– Пойми, глупая, это кризис. Если он немедленно не получит полной врачебной помощи, то просто умрет. Если б не его идиотское упрямство, я с самого начала положила бы его в стационар. – Чувствовалось, что Ольга Петровна с трудом сдерживает крик.

– Хорошо, я соберу вещи, – Надя поднялась с постели отца.

– Я пойду встречать «Скорую»...

Надя складывала в полиэтиленовый пакет вещи – обычный больничный набор. Ей не хотелось отправлять отца в больницу, но в то же время она очень боялась за него и не хотела, чтобы с ним что-то случилось, а чем помочь, она не знала, поэтому решила довериться опыту матери.

«Скорая» приехала минут через пятнадцать. Двое санитаров аккуратно уложили Александра Ивановича на носилки и перенесли в машину. Его тут же опутали системами датчиков и капельницами. Ольга Петровна поехала в больницу. Надя осталась убрать и привести квартиру в порядок.

Александр Иванович до больницы не дожил. Ольга Петровна, вернувшись домой, сказала, что реанимационная бригада сделала все, что было возможно.

Кузнецова-старшего похоронили на старом кладбище, которое давным-давно было закрыто, рядом с его отцом. Помог старый друг Александра Ивановича. Народу было много, почти весь институт, директором которого Кузнецов был последние двадцать лет.

Надя никак не могла избавиться от мысли, что если бы мать не повезла отца в больницу, то он, возможно, остался бы жив. Она, конечно, понимала, что это чушь, что отец действительно был очень плох, но ничего с собой поделать не могла. Отношения с матерью стали еще хуже, чем до смерти Александра Ивановича. Ничто уже не могло заставить Надю относиться к ней как прежде. Как только все в доме стало приходить в норму после похоронной суеты, она решила переехать в бывшую бабушкину квартиру.

В этой маленькой квартирке она смогла бы жить спокойной жизнью, ни от кого не завися. Мать не смогла бы больше понукать ею, ведь после переезда она становилась абсолютно независимым взрослым человеком. К тому же последние дни Наде все время хотелось побыть наедине с собой и своими воспоминаниями. На новом месте все напоминало ей об отце. Так было легче пережить утрату, среди его вещей, изобретений, книг.

Надя первое время вообще ничего не трогала. У нее было такое ощущение, что отец просто вышел и скоро вернется. Друзья несколько раз пытались навестить ее в новом жили-

ще, но она всякий раз говорила, что сейчас еще не время и, как только она освоится, обязательно всех пригласит.

* * *

Надя жила в маленькой квартирке уже четыре месяца. Когда здесь работал ее отец, во всей квартире всегда царил жуткий беспорядок. Теперь все было убрано и вымыто. Идеальный порядок в квартире говорил о том, как Надя дорожит своим новым домом. Стол Александра Ивановича она сдвинула к окну, все книги убрала в шкаф. Бумаги отца, аккуратно уложенные в папки, лежали на книжных полках. Мать предлагала вывезти из квартиры все лишнее, но Надя отказалась. Ей хотелось, чтобы все вещи, напоминавшие об отце, остались здесь.

С родными она почти не общалась. После долгих уговоров, истерик и идиотских упреков в том, что Наде все равно никогда не понять, что значит лишиться мужа, мать наконец оставила ее в покое. Видимо, поняла, что после смерти мужа она навсегда лишилась и дочери.

Надя крайне редко появлялась в родительском доме, совершенно отказывалась брать у матери деньги, живя на одну стипендию и на то, что удавалось заработать писанием курсовых и контрольных для части своих ленивых и бестолковых однокурсников. Но Надя все равно была очень довольна тем, что ей наконец-то удалось избавиться от материнской

опеки и зажить самостоятельно.

* * *

Надя шла по коридору университета быстрым шагом, пугаясь в длинной широкой юбке. Она опаздывала уже и на вторую пару, первую же благополучно вовсе проспала. Ей было весело и легко, хотелось плюнуть на все и бежать вприпрыжку под гулкими университетскими сводами.

Совсем недавно в ее жизни произошло замечательное событие – она познакомилась с парнем. Его звали Костя, он был немного старше и уже окончил университет. Они познакомились на улице случайно и до вчерашнего вечера просто встречались, разговаривали о разной ерунде. Однажды Костя угостил Надю мороженым, но вчера он неожиданно пришел к ней после занятий в университет и пригласил в ресторан. Она тут же согласилась, Костя ей очень нравился. Весь вечер они провели в ресторане, а закончив ужин, долго гуляли по набережной Волги. Договорились сегодня встретиться снова.

После занятий Надя, нигде не задерживаясь, отправилась домой и занялась приготовлением ужина. Сегодня Костя должен был впервые прийти к ней в гости.

И он пришел ровно в шесть, как и обещал.

После этой встречи они стали видеться почти каждый день. Костя получил хорошее место в крупной коммерче-

ской фирме с более чем достаточной зарплатой. Он несколько раз пытался даже помочь Наде деньгами, так как ее мизерной стипендии не хватало даже на продукты, но она неизменно отказывалась, поэтому он перестал предлагать деньги, а просто стал приносить продукты и тайно оплачивать счета за квартиру. Каждый день Костя приходил к Наде в ее маленькую квартирку, подолгу засиживаясь там, но ночевать оставался редко. Все друзья считали их прекрасной парой и подозревали, что в конце концов дело кончится свадьбой.

Глава 2

Я шла по солнечному летнему городу с огромной сумкой через плечо. Несмотря на замечательную погоду, настроение было неважное. Путь мой лежал домой к очередному клиенту, чье дело я вела уже больше двух месяцев. Поначалу казавшееся пустяковым, дело о краже документов из офиса обернулось двухмесячным копанием в бумагах. Я вымоталась настолько, что еле-еле передвигала ноги. Только несколько дней назад мне удалось докопаться до сути дела, и теперь я тащила многокилограммовые папки с документами своему клиенту.

Офис, находящийся на Немецкой, центральной улице города, был отделан по последнему слову дизайнерского искусства, что придавало ему вид помещения с рекламной картинкой какого-то дорогого модного журнала. Не обращая внимания на охранника, я прошла в кабинет босса. Амбал, сидевший у входа, попытался было задержать, но был остановлен гневным взглядом своего начальника, вышедшего встречать меня.

Хозяин офиса, он же мой клиент, был человеком маленьким и толстым. При разговоре он брызгал слюной и размахивал руками, что, признаться, изрядно меня раздражало. «Наверняка какой-нибудь бывший заведующий столовой или что-то в этом роде», – подумала я, в очередной раз пы-

таясь увернуться от брызг, на которые был щедр мой собеседник.

– Здравствуйте, Таня! Проходите. Проходите, садитесь, – торопливо проговорил он, пропуская меня в кабинет.

– Здравствуйте, Федор Михайлович! – Я протиснулась между дверью и косяком в щель, которую оставил мне довольно обширный хозяин.

Задев за все тяжелой сумкой, я прошла в кабинет и устало опустилась на стул. Сумка грохнулась о полированную поверхность стола. Я от души порадовалась, увидев, как болезненно искривилось при этом лицо моего клиента. Он уселся в высокое кожаное кресло и, сцепив пальцы, положил свои толстые руки на дорогой итальянский стол. Я еще немного повозила сумкой по столу, раздавшийся при этом скрип едва не поверг впечатлительного бизнесмена в состояние глубокого шока.

Поиздевавшись над ним еще пару минут, не в силах отказать себе в таком удовольствии, я наконец открыла сумку и вывалила на порядком истерзанный стол кипу папок.

– Вот ваши документы, милый Федор Михайлович.

– Что случилось? – Он сразу обрел душевное равновесие после того, как я перестала издеваться над его дорогим столом. – Они вам больше не нужны?

– Нет! Они мне больше не нужны! – Я достала сигареты и закурила, несмотря на то что хозяин кабинета на дух не переносил табачного дыма.

– Почему?! – Он аж повизгивал, произнося эти слова.

– Все просто, дорогой Федор Михайлович. – Я как бы случайно уронила пепел на полированную поверхность стола. – Дело завершено.

– Как! Мое дело завершено?! – Он даже со стула привстал при этих словах, навалившись огромным животом на свой обожаемый стол.

– Да, завершено, и завершено успешно.

– Что же вы раскопали?

Я вынула из сумки тонкую пластиковую папку и подтолкнула ее в сторону Федора Михайловича.

– Это мой отчет о проделанной работе. Тут все написано.

– Все?

– Все, до чего мне удалось докопаться. Все факты проверены и бесспорны, – я открыла папку и разложила на столе листы с моим отчетом, – здесь также находится мое письменное согласие быть свидетелем в суде, если вы, конечно, захотите начать судебное разбирательство.

– Вы считаете, что с этим можно идти в суд?

– Конечно, можно. Я частный детектив, и добытые мной факты безусловно примет любой суд. Весь отчет подписан мной и заверен личной печатью, так что это официальные бумаги, опираясь на которые вы можете подать иск.

– Спасибо, Таня! Я вам очень признателен! – Федор Михайлович, глядя на мою порядком истлевшую сигарету, извлек откуда-то пепельницу и пододвинул ко мне.

– Благодарю, но давайте поговорим об оплате.

– Конечно! Мы не договорились заранее, но я выплачу вам все сполна. В разумных пределах, естественно. – Он презрительно захихикал. – Сколько вы желаете получить?

– Обычно я беру двести долларов в день плюс накладные расходы. Так что с вас шесть тысяч двести долларов США и ни цента больше, как говорят в вестернах. Если же мне еще придется свидетельствовать в суде, это будет стоить отдельно. О цене можно договориться позже.

Федор Михайлович надул щеки, и я поняла, что он решил торговаться, но это было абсолютно бесполезно, поскольку я решительно была намерена не уступить ни копейки, точнее, ни цента.

Спор с Федором Михайловичем длился долго и закончился моей абсолютной победой. Я получила сполна свой гонорар, все, что причиталось. Выйдя на улицу, почувствовала огромное облегчение, видимо, потому, что здоровенная тяжелая сумка осталась у моего теперь уже бывшего клиента. Мне вдруг захотелось чего-нибудь выпить, и, недолго думая, я отправилась в ближайшее летнее кафе. По дороге купила свежую газету и уселась за пустующий столик. Водка с лимонадом пузырилась в стакане, а я с чувством полного удовлетворения упивалась сознанием того, что в очередной раз с успехом завершила дело.

На улице стояла страшная жара, и люди шли практически раздетые, многие в одних пляжных костюмах. Мне страшно

захотелось скинуть свой душный деловой костюм. Но вместо этого я велела принести себе еще один стакан пойла и, скинув пиджак, повесила его на спинку пластикового стула.

Прихлебывая из стакана, я смотрела по сторонам и отмечала про себя, что жара довела весьма консервативных жителей нашего сравнительно небольшого городка до крайностей, особенно в одежде, и если так пойдет и дальше, то городской пляж можно будет объявить нудистским.

Да, люди всего лишь люди. Они, несмотря на свои убеждения и привычки, которые обычно с жаром отстаивают, бессильны перед стихией. Стоит ужасному зною продержаться чуть-чуть подольше обычного, как те, кто еще недавно с негодованием осуждал распоясавшуюся молодежь, обнаглевшую до того, что стала ходить по городу в одних трусах, сами снимают с себя максимум одежды и изобретают способы снять и оставшееся. Так устроены люди.

Особенно тарасовцы – это очень странный народ. Они привыкли жить с оглядкой на Москву и хаять свой город по всем статьям, но стоит чего-либо коснуться поближе, то оказывается, что они пылкие патриоты. Спросите любого из миллиона жителей, где в России делают самое лучшее мороженое, и вы получите единодушный ответ, что лучше тарасовского пломбира нет и быть не может. А водка или дешевые сигареты типа «Прима» или «Астра»? Попробуйте продать в Тарасове хоть одну пачку московской «Астры» – ничего не получится. Все, кто курит у нас этот сорт сигарет,

покупают исключительно местную «Астру», даже если она будет дороже.

Тарасовцы большие патриоты, но как-то по-своему, от большой любви. Прилюдно они могут хаять город за все, начиная от плохих дорог до градоначальника, но, выбирая, к примеру, майонез, опять-таки никогда не возьмут московский. Все мужчины-тарасовцы уверены, и не без основания, что самые красивые женщины живут именно у нас в городе. Один мой знакомый торговец, отправившись однажды в Москву на машине, утверждал, что исколесил полстолицы в поисках красивых женщин, но не обнаружил ни одного более или менее удовлетворительного экземпляра, зато, вернувшись в Тарасов, ходил полдня с открытым ртом.

Это, конечно, лестно для нашего города, но все же я глубоко убеждена, что и в Москве есть красивые женщины, нужно только захотеть их увидеть. Но если тебе мешает патриотизм, то это уж твоя забота...

Мне самой много раз предлагали уехать в Москву, но я отказывалась. Что мне там делать, ведь в этом огромном городе таких, как я, больше чем надо. А в провинциальном Тарасове я единственная и незаменимая, ну или почти единственная. Мне нравится мой город с его провинциальной непосредственностью, порой больше смахивающей на непроходимую глупость. Я очень люблю его за всю ту несуетливую жизнь, которая больше похожа на апатию.

Обожаю тарасовцев, которые любят все то же, что любит и

любой россиянин, хотя порой кажется, что в Тарасове живет общество маньяков. Ведь стоит одному надеть какую-нибудь шмотку, и через неделю весь город ходит так же. Тарасовцы любят говорить так: «Тарасов – большая деревня», и это тоже верно, как тогда иначе объяснить, что в миллионном городе все всех знают, а половина первых всех – родственники половины всех вторых.

Был случай, когда парень познакомился с девушкой на улице, случайно. Он торговал книгами, она шла мимо. Через месяц выясняется, что ее брат был у него учителем языка и литературы и поставил ему в свое время «банан» по русскому за год, из-за чего его выгнали из математической школы. А его бабушка, будучи известным педиатром, по рекомендации своего мужа, который работал вместе с бабушкой девушки, осмотрела этого самого брата и спасла ему жизнь, когда другие врачи уже опустили руки. Ну как вам?

И это только один-единственный пример. Кстати, подлинный. Ведь я лично знаю этих людей. Как после всего этого не любить такой город?!

Я отхлебнула от очередной порции коктейля и решила, что, наверное, уже хватит рассуждать о городе и его людях. Да, как жаль, что я не могу сейчас пойти искупаться на Волгу. А что, если быстро сходить домой, переодеться и бегом на пляж? Наверное, до темноты успею, хотя и темнота не помеха, даже наоборот – народу меньше. Не знаю, стоит ли, ведь поздно уже... Ой, да и черт с ним, пойду!

Я расплатилась с официантом и отправилась домой. Дома, стараясь не глядеть по сторонам, прошла в спальню и быстро отыскала купальник. Сев на стул, я долго раздумывала, надеть его сейчас или взять с собой, но все же решила надеть сразу, ведь на пляже может не оказаться кабинки.

Быстро переодевшись в купальник и натянув сверху рубашку и джинсы, я отправилась к Волге. Начинало темнеть, и я решила доехать до моста на автобусе. Мост через Волгу – одна из главных достопримечательностей города. Приблизительно посередине он опирается своими быками на длинный, вытянутый вдоль реки остров. На нем-то и находится городской пляж, куда я направлялась.

* * *

На следующее утро я провалялась в постели до двенадцати часов. Этот небольшой отдых – все, что я могла себе позволить, – не был достаточным вознаграждением за месяцы работы, поскольку у меня было много неприятных и довольно непривычных для меня дел. За время, которое отняло у меня последнее расследование, мой дом превратился в помойку. Нужно было приводить его в порядок. Легко сказать!

Я поднялась с постели и отправилась на кухню. Кофеварка сломалась неделю назад, поэтому пришлось варить кофе на плите. Это отняло у меня немало сил. Я три раза рассыпала молотую «Арабику» по столу, но наконец мне удалось

все же приготовить себе чашку кофе. Я закурила сигарету, первую за последние двенадцать часов, и принялась за кофе с бутербродами. Взгляд мой упал на груды немытой посуды в раковине, и стало так грустно, что захотелось оказаться далеко-далеко отсюда, где-нибудь, где нет грязной посуды. Может, нанять какую-нибудь горничную?

Покончив с завтраком, вернулась в гостиную и включила телевизор. Посмотрев новости и очередную серию какого-то дурацкого сериала, я взяла себя в руки и отправилась мыть посуду. Кухня встретила меня не очень дружелюбно. Тарелки упорно не хотели отмываться, а большая кастрюля доказала, что отечественная грязь умеет успешно противостоять любому разрекламированному суперсредству для мытья посуды. Борьба продолжалась около часа, но после изнурительных боев мне удалось наконец одержать полную победу.

Решив взять небольшой реванш и дать себе роздых, я подумала, что было бы неплохо посидеть еще немного перед телевизором. По программе ни на одном канале не было ничего стоящего, и я включила видеомэгафон. Мой любимый боевик подходил к середине, когда зазвонил телефон. Зазвонил так неожиданно, что я вздрогнула. Подходя к аппарату, поймала себя на мысли о том, что это наверняка очередной клиент. Последнее время мне не приходилось сидеть без дела, многим даже пришлось отказать. Подняв трубку, я услышала немного высоковатый мужской голос:

– Алло! Могу я поговорить с Татьяной Ивановой?

– Конечно, я вас слушаю.

– Отлично! Наконец-то я застал вас дома!

– Вы уже звонили? – Спрашивая, я посмотрела на определитель номера, человек звонил из автомата.

– Да, вчера, раза три, – мой собеседник явно нервничал.

– О чем вы хотите со мной поговорить?

– Вы ведь частный детектив, не так ли?

– Да, так оно и есть.

– Я хотел бы нанять вас. Дело очень важное!

– У всех моих клиентов дела важные, по крайней мере, они так думают, но я всегда оставляю за собой право судить об этом. – Я машинально рисовала дурацкие рожицы на пыльной поверхности столика.

– Отлично, тогда мне нужно с вами увидеться.

– Это срочно? – Мне очень не хотелось впускать клиента в свой свинарник.

– Да, очень срочно! – Другого ответа не следовало ожидать.

– Хорошо, я согласна.

– Где и когда мы с вами встретимся? – Мой собеседник немного успокоился.

– Я еще не была на улице, а вы звоните из таксофона, скажите, сегодня тепло?

– Очень тепло... – Голос парня выражал такое недоумение, что я почувствовала себя Шерлоком Холмсом.

– Тогда давайте встретимся на Немецкой – в кафе на углу

Вольской. Подойдет?

– Хорошо! Когда?

– Через час вас устроит?

– Вполне, но как я вас узнаю?

– Я буду в сером английском костюме.

– Отлично, до встречи.

Я положила трубку и выключила телевизор и магнитофон.

Да, отдых откладывался, это удручало. Но в то же время откладывалась и уборка, а это уже вселяло определенный оптимизм. Я быстро оделась – это никогда не занимало у меня много времени, если, конечно, я не собиралась на романтическую встречу. На деловые свидания всегда надевала строгий деловой костюм, сегодняшнее не было исключением.

Окинув напоследок квартиру печальным взглядом, я вышла на улицу. Лето было в самом разгаре. Терпеть не могу работать летом, но, как назло, в этот период больше всего клиентов, они как с цепи срываются. До встречи оставалось еще около сорока минут, и я решила пройтись пешком.

Я пришла на десять минут раньше назначенного срока, но мой потенциальный клиент был уже на месте. Он помахал мне рукой, хотя я узнала его сразу, так как он один в этот жаркий летний день сидел в кафе в рубашке, застегнутой на все пуговицы, галстуке и темно-сером дорогом костюме, то есть был одет точно так же, как и я, – по-парадному. Подсев за его столик и заказав стакан минеральной воды, я начала разговор:

– Здравствуйте, я частный детектив Татьяна Иванова.

– Очень приятно. Меня зовут Константин Зайцев.

Он тоже пил минералку, и по тому, как он вертел стакан в руках, было видно, что он нервничает.

– Вы не возражаете, я закурю, – Константин достал сигареты – перед ним тут же появилась пепельница.

– Курите. Чем вы занимаетесь, Константин? – Я задала этот вопрос, чтобы выиграть время и получше рассмотреть собеседника.

Константин Зайцев был высоким, немного худощавым человеком лет двадцати семи – двадцати восьми, с черными волосами и такими же глазами, а также густыми черными усами, которые ему абсолютно не шли. Из нагрудного кармана пиджака торчал кончик белоснежного платка, на поясе малюсенький пейджер.

По всей видимости, он совсем недавно достиг материального благополучия, было заметно, как неудобно чувствует он себя в дорогих брюках. Без сомнения, больше привык к джинсам. К тому же он все время теребил пейджер у себя на поясе – он тоже появился у него совсем недавно. Мне хватило нескольких секунд заминки, чтобы полностью составить впечатление о нем.

– Так чем вы занимаетесь?

– Я совсем недавно получил должность начальника отдела в одной очень крупной фирме, занимающейся ценными бумагами. – Он выглядел немного смущенным.

Порадовавшись про себя правильности своих выводов, я невольно выдала:

– И, видимо, неплохо зарабатываете.

– Да, не жалуясь, – теперь Константин выглядел несколько удивленным, – вы не сомневайтесь, я зарабатываю достаточно, чтобы иметь возможность нанять вас.

Мне стало немного неловко, я не хотела обижать его.

– Не в этом дело. Так что у вас за проблема?

– Сейчас я введу вас в курс дела...

Я не дала ему договорить, видимо, я устала сильнее, чем мне самой казалось.

– Хочу сразу предупредить вас, Константин, что я не слежу за неверными женами. Подобные дела не для меня, – выпалила я, хотя не заметила у него обручального кольца, – если вы хотите предложить мне что-то подобное, то лучше сразу найдите другого детектива.

– А вы не очень-то обходительны с клиентами, – обиженным тоном произнес он.

– Извините, очень много работы – устала.

– Ничего страшного. Я слышал, что вы великолепно знаете свое дело, а мне именно это и нужно.

– Кто порекомендовал вам меня, если это не секрет?

– Один из моих коллег. Он однажды воспользовался вашими услугами и остался крайне доволен.

– Ну допустим, но перейдем к вашему делу. Скажите сначала, в чем проблема.

– Убийство. – Он нервно затянулся сигаретой, рука у него дрогнула, и пепел упал на лацкан пиджака, но он даже не обратил на это внимания.

– Убийство?! – Это было интересно.

Я заказала еще один стакан минералки, разговор, кажется, будет долгим.

– Да, убийство. Оно произошло четыре дня назад.

– Извините, Константин, а как же милиция?

– А что милиция?

– Вы говорите, что убийство произошло четыре дня назад, значит, следствие только начато и за такой короткий срок просто не могло еще зайти в тупик. – Я старалась говорить как можно спокойнее, так как видела, что парень сильно нервничает.

– Да оно уже в тупике, в полнейшем тупике!!! – Он сорвался, буквально сразу изменившись в лице.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, Константин. – Я заказала ему легкого рому с колой. – Выпейте и успокойтесь.

– Извините, Таня, я в порядке, – он отхлебнул из стакана и взял себя в руки.

– Расскажите мне подробнее об этом убийстве.

– Конечно. Как я уже говорил, четыре дня назад было совершено убийство. Убита моя подруга. Мы с ней строили планы на будущее. Хотели пожениться.

– Теперь понятно, почему вы так волнуетесь.

– Да, но это очень странное убийство. – Константин сно-

ва принялся судорожно вертеть в руках стакан с коктейлем, рискуя пролить его себе на брюки.

– Чем же оно такое странное, и почему милиция, на ваш взгляд, в тупике? Рассказывайте все как можно подробнее, пожалуйста, любая мелочь может быть важна для составления ясной картины преступления.

– Моя невеста, теперь я могу ее так называть, Надежда Кузнецова, была студенткой университета. Жила в маленькой однокомнатной квартирке недалеко отсюда, доставшейся ей от отца, который умер не так давно. У него, по рассказам Нади, был там рабочий кабинет, и вся квартира увешана разными патентами на всякие изобретения и набита каким-то оборудованием – Надя ничего не захотела менять в квартире после его смерти, они были очень дружны. Отец был директором института.

Константин перевел дыхание и потянулся за сигаретами. Было видно, что он боится что-нибудь упустить, отчего рассказ его получался довольно сбивчивым и путаным.

– У Нади были сильные нелады с матерью, – продолжил он, глубоко затянувшись, – а вот в отце она души не чаяла, поэтому после его смерти съехала с квартиры матери и поселилась в бывшем доме отца. Дней за десять до убийства Надя пришла ко мне домой поздно вечером.

В тот день я был у нее, но ушел пораньше, нужно было сделать кое-какую работу. Я пришел домой, а через три часа прибежала Надя вся в слезах. Оказывается, она после моего

ухода вышла за хлебом, а когда вернулась, обнаружила, что многие ящики и шкафы настежь открыты. В ее отсутствие кто-то побывал в квартире и тщательно перерыл все содержимое. Я, как смог, успокоил ее и уложил спать. Утром мы поехали к ней домой и обнаружили там все в полном порядке.

Надя уверяла меня, что вчера вечером там все было перевернуто, но я ей не поверил. Последнее время она была переутомлена и немного взвинчена, что-то не ладилось в университете. Надя накричала на меня, она очень обиделась на то, что я ей не поверил, и мы поругались. Я завез ее в университет и поехал на работу. Весь день не мог забыть об этом инциденте, очень хотелось помочь Наде хоть чем-нибудь. Вечером, когда я приехал к ней домой, она сидела на кухне и плакала.

Я попытался ее успокоить и повел погулять на набережную. Мы гуляли долго, Надя говорила мне, что очень боится чего-то, и все время дергалась. Мне кое-как удалось ее успокоить, но на этом дело не кончилось. В течение всех последующих дней Надя все время жаловалась, что кто-то забирается к ней в квартиру, когда ее нет дома, и что-то ищет. От всех этих переживаний она стала просто как тень. Я ничего не мог с этим поделать, вернее, мне казалось, что не могу... Так, значит, четыре дня назад я пришел к Наде вечером, но она мне не открыла.

Простояв под дверью добрых полчаса, я отправился ее ис-

кать. В двенадцать часов ночи стал серьезно волноваться и позвонил ее матери Ольге Петровне. Она меня всегда недолюбливала, и мы мало общались с ней до последнего времени. Мне удалось убедить ее приехать и открыть Надину квартиру вторым ключом. Когда мы вместе с Ольгой Петровной вошли внутрь, то обнаружили Надю, лежащую на полу посередине комнаты с пробитым черепом. У Ольги Петровны случилась истерика, мне пришлось довольно долго успокаивать ее, прежде чем удалось вызвать милицию.

Следователь приехал почти сразу и тут же обнаружил орудие убийства – тяжелую настольную зажигалку. Она всегда стояла на столе Надиного отца, я часто видел ее прежде. Милиция все облазила и обнюхала, но ничего больше не нашла и на этом успокоилась. Следствие выдвинуло версию, что Надя знала убийцу, так как дверь была заперта, а следов взлома не обнаружили. Таким образом я попал в подозреваемые номер один.

Константин замолчал, затянувшись сигаретой. Я пододвинула ему пепельницу.

– Так, значит, вы хотите нанять меня, чтобы отвести от себя подозрение?

– Нет, конечно, нет! – замахал он руками. – У меня стопроцентное алиби. В то время, когда Надю убили, я был на работе, там меня видели человек сорок.

– Вы хотите, чтобы я нашла убийцу?

– Да, поскольку милиция этого сделать не может. Они с

большим удовольствием просто пренебрегли бы показаниями сорока человек и упекли за решетку меня, чем продолжили бы настоящее расследование. А теперь просто время тянут.

– Понятно, но я должна подумать, прежде чем дать ответ.

– Сколько времени вам потребуется для того, чтобы принять решение?

– Я позвоню завтра. Оставьте свой телефон. – Я тоже достала сигарету. Константин машинальным движением достал зажигалку и поднес мне.

– Сколько стоит ваше время, Татьяна?

– Обычно я беру двести долларов в день плюс расходы после завершения расследования.

– Это меня устраивает. – Константин достал визитную карточку и протянул мне: – Здесь мой адрес и телефоны, домашний и рабочий, и номер пейджера.

Я взяла карточку и поднялась из-за столика.

– Ну что ж, до завтра, Константин. – Расплатившись с официантом, я направилась домой.

Уходя, я оглянулась – Константин все еще сидел на прежнем месте и смотрел мне вслед. Я прибавила шагу, на ходу пытаюсь разобраться в своих впечатлениях от знакомства с клиентом. Похоже, что парень действительно влюблен, вернее, был влюблен в погибшую девушку и теперь готов из кожи вылезти, чтобы найти убийцу невесты. Это мне нравилось, немного в последнее время попадалось мне дел, пусть

даже с черной, но все же романтикой. Но все равно мне нужно было все хорошенько обдумать, прежде чем принять решение. А вдруг он и в самом деле убил девушку и теперь пытается, нанимая меня, отвести от себя подозрения? За кажущейся простотой дела, как правило, всегда скрывается нечто большее. И эта головоломка вряд ли окажется исключением.

Придя домой, я устроилась в кресле около окна. На улице ветер едва шевелил листья пыльных тополей. Было странно смотреть на то, как бесшумно двигаются ветви деревьев. Окно не пропускало звуков с улицы.

Я задумалась над недавним разговором, я была в нерешительности... В принципе, сейчас у меня не было дел, и ничто не мешало взяться за это расследование. Но что-то не давало мне покоя. Что-то не ладилось в рассказе Константина. Я долго не могла понять, что именно.

Милиция предполагала, что убийца был знаком жертве. Этот вывод сделан на основе того, что дверь в квартиру не имела следов взлома, но ведь слепок с ключа мог сделать кто угодно. Надежда училась в университете и наверняка частенько оставляла сумку с ключами в аудиториях. Да и у матери был второй ключ – могли воспользоваться именно им.

И хотя я была готова согласиться, что преступление мог совершить знакомый Нади, мне казалось, что это следует из того, что убийство вообще произошло. Ведь если бы преступником был чужой человек, то, увидев, что вернулась хозяйка, он просто оттолкнул бы ее в сторону и убежал, ведь

опознать незнакомого человека после одного беглого взгляда почти невозможно, так что риска никакого не было.

К тому же преступник не мог не учесть, что хозяйка дома знала о том, что кто-то обыскивал ее квартиру, и даже не заявила в милицию, могла не заявить и на этот раз. Однако преступник убивает бедную девушку. Почему? Просто испугался и сделал первое, что пришло в голову? Вряд ли. Скорей всего, она узнала его, и преступнику уже ничего не оставалось, как убить ее. В пользу этого говорило и то, что орудием убийства послужил случайный предмет, первым попавшийся под руку.

Следовательно, убийство заранее запланировано не было, а было совершено случайно, из-за боязни преступника быть неизбежно опознанным. Таким образом, картина преступления была мне абсолютно ясна, но, вот в чем беда, мотив преступления был совершенно непонятен. И эта загвоздка стоила десятка других. Ограбление, но что брать у бедной студентки? А если что-то и осталось от отца, то вряд ли оно стоило того, чтобы совершать убийство. Понятного было мало.

К тому же я никак не могла понять, чьим ключом воспользовался преступник. Следов взлома милиция не обнаружила, если бы дверь открыли отмычкой – это было бы сразу видно. Если отбросить предположение, что в природе существовал третий ключ, то совершенно очевидно, что воспользовались одним из имеющихся двух ключей. Возможно, Надиным, но он на месте. К тому же, если бы у Нади украли

ключ, как бы она вошла в свою квартиру? А она открыла ее именно своим ключом, так как маловероятно, что преступник не закрыл бы дверь. Если бы Надя обнаружила дверь в свою квартиру открытой, вряд ли она решилась бы войти внутрь одна. Мать к ней не ходила, ключа больше ни у кого не было. Открытая дверь, мягко говоря, должна была настроить Надю.

Но есть ведь еще один ключ, у Ольги Петровны. Однако довольно трудно предположить, что мать могла отдать кому-то ключи от квартиры своей дочери. Неужели она сама ее убила?! Конечно, ключ могли выкрасть, сделать слепок, а потом вернуть на место. Да, рассуждая подобным образом, я могу черт знает до чего додуматься.

Несмотря на то что я топталась на месте, не имея достаточно информации, а само дело на первый взгляд выглядело безнадежным, мне почему-то казалось, что все довольно просто, и стоит только найти одно-единственное звено, потянуть за него, как вся цепь событий выползет на свет божий.

Таким был мой первоначальный вывод. Но сейчас мне не гадать нужно было, кто и из-за чего мог убить студентку, а решить, стоит ли браться за это дело в принципе. Все говорило за то, что оно могло затянуться на довольно длительный срок.

Вообще для меня всегда сложно решать, браться или нет за ту или иную работу, за исключением тех случаев, когда мне не оставляли иного выхода. На раздумья у меня все-

гда уходило изрядное количество времени, но уходило бы и больше, если бы я не прибегала к помощи своих верных помощников, не раз облегчавших мне тяжесть выбора, – моих любимых двенадцатигранных гадальных костей.

Я никогда не могла похвастать блестящей интуицией, как, впрочем, и большинство людей, в том числе, кстати, и моих коллег, поэтому я с успехом заменила ее гадальными костями. Сколько людей, наивно полагая, что они способны интуитивно находить верное решение, постоянно совершают непростительные ошибки, губят свою жизнь. Я же, бросая кости, снимаю с себя бремя веры в несуществующее, крайне тем самым экономя и время, и силы.

Однако, как показала практика, человек, обладающий обычной человеческой интуицией, принимает около шестидесяти процентов неверных решений, а вероятность положительного исхода при использовании костей доходит в некоторых случаях до семидесяти процентов.

Таким образом я, вооружившись костями, поднимаюсь на уровень мощнейшего интуитивиста. А поскольку это так, то, достав из коробки три гадальных кости, приготовилась решить назревшую дилемму именно этим безотказным способом. Потряса кости в руке, легким броском кинула их на ковер перед креслом. Затаив дыхание, посмотрела на выпавшую комбинацию чисел.

$20+25+12.$

Немного поднатужившись, я вспомнила значение этой

комбинации: «Помните, лучшее – враг хорошего». Да, довольно туманно. Но в этом, конечно, есть смысл. Лучшее – враг хорошего, другими словами, от добра добра не ищут. То есть то, что сейчас я держу в руках, лучше, чем то, что могу иметь, отказавшись от этого дела, и не стоит из-за призрачной перспективы отказываться от данности.

Вроде бы все говорит о том, что мне нужно браться за это дело. Но, с другой стороны, кто сказал, что это занятие лучше, чем пара недель спокойного отдыха с ежедневными походами на берег Волги. Конечно, пляжи моего любимого Тарасова не ахти что, но ведь от добра добра... Да, отдых, это, конечно, замечательно, но, если уж быть честной с самой собой, придется признаться, что ровно через два дня я начну кидаться на стены от безделья.

Так что лучше уж, наверное, заняться так удачно подвернувшимся убийством девушки, неизвестно, что мне предложат через эти самые пару дней. К тому же можно ли отказаться от столь замечательного шанса в очередной раз утереть нос любимой милиции. Что ж, видимо, я берусь за это дело, ведь нет ничего слаще для частного детектива, чем показать уголовному розыску, что наша братия тоже не лаптем щи хлебает. Ну что ж, решение принято, нужно хорошенько отоспаться, чтобы завтра быть во всеоружии.

Но отоспаться не удалось. Я уже ложилась в постель, когда раздался звонок в дверь, мне пришлось натягивать халат и, шлепая по полу тапками, плестись открывать. Посмотрев

в глазок, я, не думая, открыла дверь. В коридоре раздался топот трех пар ног. В квартиру прошествовали, не проронив ни слова, два благородных джентльмена. Одним из них оказался Денис Копошилко, по кличке Дык, другим – его собака с дурацкой кличкой Эскейп.

– Здравствуй, Дык!!! Какими судьбами?! – Я была вне себя от радости.

Дык был когда-то моим клиентом, а потом стал другом.

– Да вот из больницы выпустили, рана больше не беспокоит, – он постучал пальцем по боку.

– Ну и как твои легкие?

– Ты хотела спросить, как моя половина легких? Работает, куда ей деваться.

– Извини, что последнее время не заходила, уж больно много работы было.

– Ничего, ерунда. Ты вон посмотри лучше – Эскейп опять ходить начал, даже не хромотает. Операцию ему делали.

Надо сказать, что в прошлом году Дык нанял меня как телохранителя, чтобы защититься от киллера. Я не смогла уберечь его до конца, он получил пулю в грудь, а Эскейп пропал чуть раньше, потом его обнаружили дети и вернули Дыку, но пес был не в лучшей форме. У него оказались перебиты задние ноги. Дык так его любил, что перечислил кучу денег в лучшую ветеринарную клинику, и через полчаса после звонка приехала машина и забрала собаку. К выходу Дыка из больницы Эскейпа тоже выписали. Его прооперировали,

и теперь он бежит как молодой.

– Так, значит, ты из больницы? – крикнула я из кухни, готовя кофе.

– Да, буквально только что – и сразу к тебе. Кстати, у меня в сумке дюжина пива, давай садись, попьем пивка. Я в этой больнице несколько месяцев пива даже не нюхал. – Дык, усевшись на диванчик, стал доставать из сумки свою любимую шестую «Балтику». Я под села к нему и тоже взяла бутылку.

– Тебе больше никто не угрожал?

– Нет, мне же теперь не за что мстить.

– Кто его знает, ведь Абзац-то на свободе.

– Ладно, плюнь. Давай лучше пиво пить.

– Давай.

– А у тебя как дела?

– Отлично. Заказов больше, чем я могу выполнить. Приходится вертеться!

– Тебе помощника надо. Поднимать уровень сервиса на небывалую высоту.

– Не издевайся, пожалуйста.

– А я на полном серьезе. У всех порядочных сыщиков обязательно должен быть помощник.

– Я и сама неплохо справляюсь. А ты-то чем занимаешься?

– Да пока ничем толком. Пока в больнице валялся, на мой адрес куча заказов пришла, вот оклемаюсь немного, разбе-

русь, что там к чему.

– Мало тебе, дураку, что легкое прострелили. Допрыгаешься, всю башку снесут.

– Да ладно. Что я, дурак? Только идиот дважды наступает на одни и те же грабли. Я теперь осторожней буду. Ты вон лучше пиво пей.

Я взяла еще одну бутылку. Мы выпили пива немерено и беседовали до середины ночи.

Благодаря долгому застою в этом вопросе, Дыка развезло уже после шестой бутылки, я уговаривала его остаться у меня, но он уперся. Пришлось вызывать такси и затаскивать внутрь нетранспортабельного Дыка. Водитель был крайне недоволен, но сменил гнев на милость после того, как я сунула ему полсотни сверх таксы.

* * *

Проснувшись рано утром на следующий день и отправившись на кухню варить кофе, я вспомнила о своих вчерашних мучениях и решила лучше заварить чай, и покрепче. Чай и сигарета не самое лучшее сочетание, но вкупе с прохладным душем они наполнили меня жизненными силами и прекрасным настроением. Насвистывая какую-то новую попсовую мелодию, я вошла в спальню и принялась облачаться в рабочую одежду – джинсы и клетчатую рубашку, у которой пришлось закатывать рукава, считаясь со стоящим за

окном двадцатипятиградусным зноем. Сложив в небольшую легкую сумку кое-какие вещи, которые могли потребоваться в ходе первой фазы расследования, как говорят профи из милиции, я подошла к телефону и набрала номер Константина Зайцева. Его не оказалось поблизости, и мне пришлось ждать с трубкой в руке, пока в ней не раздался голос моего вчерашнего собеседника.

– Алло, Зайцев слушает, – он говорил тоном настолько серьезным и деловым, что я чуть не рассмеялась, вспоминая вчерашнего молодого человека с трясущимися от волнения руками.

– Алло, Константин, – сказала я, еле сдерживая появляющуюся на губах улыбку.

– Это вы, Татьяна?

– Да, как договаривались.

– Что вы решили, беретесь за расследование? – голос в трубке перешел на вчерашние интонации.

– Да, Константин, я берусь за ваше дело.

– Вы хотите со мной встретиться?

– Да, если вы можете сейчас освободиться, то я буду ждать вас в том же кафе, где мы встречались.

– Отлично, через полчаса вас устроит?

Сделав паузу, я кое-что прикинула в уме и ответила:

– Да. Замечательно. Буду ждать. До встречи. – И положила трубку.

До кафе я доехала на такси, хотелось попасть туда раньше

Зайцева, но, как я ни спешила, когда подъехала к кафе, он уже был за столиком. Усевшись напротив него, я достала и распечатала новую пачку «Честерфилда».

– Здравствуйте, Таня, – Константин протянул мне зажигалку, – можно я буду называть вас Таней?

– Конечно, но тогда и я буду звать вас Костей.

– Договорились.

– Так как я приняла ваше предложение, мне не хочется терять времени. – Я махнула официанту и заказала чашку кофе. – Давайте уточним некоторые детали вашего рассказа.

– Спрашивайте, я весь ваш.

– Скажите, Костя, вы ведь довольно часто бывали у Нади дома?

– Да, почти каждый вечер ужинал у нее, она замечательно готовила.

– Значит, вы хорошо знали, какие у Нади были ценные вещи, драгоценности.

– Да, конечно, знал, хотя их было совсем немного.

– Вы говорите, было, значит, они пропали? – Во мне затаилась надежда на то, что это все-таки обычное преступление без скрытого смысла.

– Меня уже спрашивали об этом в милиции. Все, что у нее было, на месте, да и рыночная цена этих украшений куда ниже стоимости, скажем, цветного телевизора, который, кстати, тоже на месте.

– Так вы утверждаете, что ничего не пропало? – Все мои

шаткие надежды рухнули.

– Ничего не пропало, все было на месте, когда мы с Ольгой Петровной пришли к ней домой в тот вечер.

– Вы кого-нибудь подозреваете, у Нади были враги? – Я решила попытаться вытянуть из него все подробности жизни Нади.

– Господь с вами, Таня! Какие враги у двадцатилетней девушки?! – Он уставился на меня своими черными, широко раскрытыми глазами.

– Ну не враги, злопыхатели, какие-нибудь люди, с которыми она не ладила?

– Не ладила она со своей матерью, про соседей я ничего не знаю.

– Ну а в университете, – я отхлебнула большой глоток кофе, – в университете у нее были друзья, знакомые, которые могли бы по неизвестным нам пока причинам убить Надю? Может, чересчур вспыльчивые, раздражительные, импульсивные?

– Да вроде бы нет, – чуть неуверенно сказал Костя, – я знаю несколько ее подружек, но все они очень милые девушки. Через них можно, наверное, отыскать и остальных ее приятелей.

– Да, мы так и сделаем. А теперь скажите, после убийства у кого хранится ключ от Надиной квартиры? – Я допила кофе и встала из-за стола.

Костя поднялся вслед за мной.

– У меня, я предвидел, что вы захотите осмотреть квартиру, поэтому взял его у Ольги Петровны и пока оставил у себя.

– Ну тогда поехали посмотрим на место преступления.

Мы вышли на соседнюю улицу, и я встала у дальнего края тротуара, позволяя Косте самому поймать такси.

Глава 3

До квартиры Нади мы добрались на такси, хотя находилась она всего в паре кварталов от кафе. Расплатившись с таксистом, Костя подвел меня к старой пятиэтажной «хрущевке». Поднявшись на третий этаж по серой заплыванной лестнице, мы оказались напротив двери, обитой матовым черным материалом под кожу, и Костя достал ключи. Дверь открылась с легким скрипом, пропуская нас внутрь квартиры.

– Проходите, Таня, – Костя сделал шаг в сторону, пропуская меня вперед.

Я прошла в прихожую, обставленную очень скромно, но не без некоторого изящества. Полка для обуви и массивная вешалка были выполнены «под старину» и покрыты какой-то диковинной резьбой. Справа от входной двери находилась ванная комната, вернее, это была не ванная, а то, что у нас принято называть совмещенным санузлом. Я заглянула туда, все было очень чисто и ухоженно. Ванна сияла белизной, а над такой же раковиной висело большое овальное зеркало. На полочке для туалетных принадлежностей в строгом порядке лежали тюбики с зубной пастой и разными кремами.

Мой взгляд остановился на небольшом шкафчике справа от зеркала, в таких обычно хранят всякие мелочи вроде запасных лезвий или помазков для бритвы. Шкафчик открыл-

ся не сразу, но после нескольких попыток уступил с громким щелчком. В шкафчике, как я и предполагала, лежали бритьевые принадлежности: пара одноразовых станков «Жиллетт», баллончик с пеной для бритья и упаковка освежающих салфеток. Еще там были две зубные щетки, неиспользованный тюбик зубной пасты и упаковка гигиенических прокладок.

Осмотрев содержимое шкафчика в целом, я принялась разглядывать каждый предмет в отдельности. Прокладки произвели на меня наименьшее впечатление, их наличие в доме, где жила девушка, не было чем-то подозрительным, поэтому я даже не стала брать их в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.